РАЗДЕЛ III. ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКИХ ФОНДОВ. АРХИВ

Евгений Васильевич Семёнов
доктор философских наук,
профессор, академик НАН Украины,
директор РИЭПП.
Тел. (495) 916-28-84;
info@riep.ru

РОССИЙСКИЙ ФОНД ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: РОСТКИ НОВОГО В ОРГАНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ НАУКИ*

Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ) является структурой, пока достаточно мало известной научному сообществу. Вместе с тем в силу ряда своих особенностей Фонд представляет практический интерес для очень широкого круга исследователей. К числу этих особенностей относятся прежде всего такие, как ориентация Фонда на финансирование значительного числа небольших научных проектов, а не нескольких крупных программ; финансирование непосредственно исполнителей проектов, а не организаций; конкурсный отбор заявок не аппаратом, а экспертами из числа авторитетных ученых, не занимающих административных постов; прием заявок на конкурс и их отбор независимо от места работы, должности, степени и звания исследователя и т. д. Фонд работает с научным сообществом непосредственно, а не через административную иерархию. Структур подобного типа в российской науке мало, потребность же в них велика, поскольку они дополняют и уравновешивают традиционные административные структуры отечественной науки.

Фонд частично заполняет обширную нишу, предназначенную для разветвленной системы фондов. Существует несколько способов (и все они необходимы) финансирования науки. В науке могут финансироваться организации. Это — обычное базовое финансирование. Могут финансироваться личности, имена. Пример — учрежденные в сентябре прошлого года «государственные научные стипендии для выдающихся ученых России и талантливых молодых ученых России». И, наконец, могут финансироваться идеи, проекты. Фонд специализируется именно на конкурсном отборе инициативных проектов в области фундаментальной науки. Поэтому он создан и работает не вместо структур, имеющих другую специализацию, а дополняет их.

* Опубликовано в журнале: Вопросы философии. 1994. № 10.

1. Справка о Фонде

Во второй половине 80-х годов в научном сообществе горячо обсуждалась идея создания фонда (еще лучше: фондов), подобного, скажем, Национальному научному фонду США (НСФ) или Немецкому научно-исследовательскому обществу (ДФГ). Идея эта неожиданным образом реализовалась, но уже не в контексте совершенствования организации российской науки, а в контексте «неотложных мер» по ее сохранению. Именно так назывался Указ Президента Российской Федерации № 426 от 27 апреля 1992 г., которым образован Российский фонд фундаментальных исследований и установлено направлять в него 3 % ассигнований, предусмотренных на финансирование науки по республиканскому бюджету Российской Федерации. Через полгода Правительство Российской Федерации приняло Постановление № 845 «О российском фонде фундаментальных исследований» от 3 ноября 1992 года, которым утвердило Устав Фонда. После этого оставалась самая «малость» — собственно создать Фонд. Благодаря директору-организатору Фонда академику Андрею Александровичу Гончару через месяц уже проводился первый конкурс.

За два конкурса Фонд рассмотрел 36 тыс. заявок, шестая часть которых принята к финансированию. За каждой заявкой стоит в среднем 5—7 исполнителей проекта. Конкурс чрезмерно жесткий, процент отклонения проектов неоправданно высок — тысячи из них, строго говоря, отклонены не по научным соображениям; они не приняты к финансированию из-за ограниченности средств. Хотя для авторов заявок это является, наверное, слабым утешением. Для исправления данной ситуации в 1994 г. распоряжением Правительства Российской Федерации норма отчислений в Фонд (из федерального бюджета по науке) была поднята с 3 до 4 %, что несколько смягчило конкурс в текущем году.

Большую часть средств Фонд направляет на финансирование инициативных исследовательских и издательских проектов. В 1993 г. на это были выделены 60 % бюджета Фонда, в 1994 г. — 75 %. Кроме того, финансируется проведение научных мероприятий (конференции, симпозиумы и т. д.), материально-техническая база научных коллективов, создание информационных систем и баз данных. Обеспечение деятельности Фонда, включая оплату аренды помещений, расходы на аппарат, техническое оснащение, оплату экспертизы и т. д., уложилось в 1993 г. в 1,2 %. Это характеризует Фонд как весьма экономную организацию. По международной практике нормой считается 10 %. Именно такая часть бюджета расходуется на содержание фондов, например, уже упоминавшихся НСФ и ДФГ.

Особенностью расходования средств Фонда является высокий процент, выделяемый на финансирование собственно научного процесса (приобретение разнообразного научного оборудования, научные издания, научные мероприятия). В настоящее время — это самая зачахшая часть бюджета науки, достигающая лишь нескольких процентов от всех затрат на науку. По мере возможности Фонд исправляет это положение хотя бы в сфере фундаментальной науки. В 1993 г. на создание материально-технической базы ушло 27,3 % всех средств

Фонда. Еще 7,6 % ушло на информационно-издательскую деятельность, 2,9 % — на организацию научных мероприятий.

Региональное и ведомственное распределение средств, хотя оно специально не регулируется, так как на конкурс поступают заявки ученых и небольших научных групп, а не регионов и ведомств, тоже дает достаточно благоприятную картину. По итогам конкурса 1993 г., Москва и академическая наука значительно перевешивали провинцию и неакадемическую науку, что объясняется не только распределением и качеством научного потенциала, но и более медленным подключением провинции и неакадемических ученых. В 1994 г. ситуация развивается в сторону увеличения доли неакадемической и нестоличной науки как среди поступивших заявок, так и среди заявок, успешно выдержавших конкурс. Правда, доля академической и столичной науки по-прежнему остается наибольшей, но не следует забывать и фактическое ведомственное и региональное распределение в России фундаментальной науки, а также качество научного потенциала. Это — исходные условия, которые Фонд не может упразднить.

Доля Москвы в финансировании инициативных научных и издательских проектов составляла в 1993 г. 53 %, в 1994 г. она снизилась до 47 % и, вероятно, по мере активизации регионов будет снижаться и дальше. Доля заявок работников РАН на конкурс инициативных научных и издательских проектов в 1993 г. составляла 65 %. Лишь 45 % заявок поступило из неакадемической науки. Естественно, что 2/3 средств Фонда ушло в академическую науку. В 1994 г. доля академических заявок снизилась в общем числе заявок до 56 %. Снизилась и доля РАН в финансировании — сейчас она составляет 60 %.

Низкой остается активность ученых из медицинской и сельскохозяйственной академий наук. Их доля среди заявок, поданных на конкурс 1994 г., соответственно 2 и 1 %. Но качество подаваемых на конкурс проектов высокое. Поэтому их доля среди победивших заявок остается на том же уровне — соответственно 2 и 1 %. Судя по качеству проектов, возможности ученых этих двух ведомств, вероятно, значительно выше. Более активна вузовская наука. Доля вузовских заявок (из системы Госкомитета по высшему образованию) в общем числе заявок составила 9 %. Уровень их успешного прохождения через конкурс тоже достаточно высок — их доля среди победивших проектов составляет 8 %. Очень хорошо смотрится не входящий в эту систему Московский государственный университет: доля среди заявок — 6 %, доля среди выдержавших конкурс заявок — 9 %.

Если учесть фактическое состояние фундаментальной науки в разных регионах и ведомствах, остающийся пока неодинаковым уровень осведомленности о РФФИ и, соответственно, активности и другие объективные обстоятельства, то можно уверенно утверждать, что Фонд свободен от пристрастий и что он является одной из точек рождения и роста такого нового для нашей культуры явления, как институт независимой экспертизы.

2. Управление

Согласно Уставу РФФИ, утвержденному Правительством Российской Федерации, Фонд является государственной самоуправляемой организацией. Во главе Фонда стоит утверждаемый Правительством сроком на три года Совет Фонда, наделенный очень большими полномочиями. В составе Совета Фонда мало людей, занимающих административные посты в науке. Этот же принцип, даже в усиленном варианте, распространен на Председателя Фонда, двух его заместителей и ученого секретаря, тоже являющегося членом Совета Фонда. Они не имеют права даже по совместительству работать в администрации организаций, ведущих фундаментальные исследования. Администраторы в наиредчайших случаях включаются в состав экспертных советов и корпус экспертов Фонда. Но такие исключения, укладывающиеся в доли процента от состава экспертов и членов экспертных советов, делаются только в тех случаях, когда в стране просто больше нет специалистов высокого уровня по данной отрасли знания. Фактически Фонд является формой самоорганизации научного сообщества, формой, при которой исключается присвоение командных высот какой-либо стабильной группой.

Совет Фонда обладает исключительным правом определения научных направлений, подлежащих финансированию; он определяет квоты финансирования, распределяя средства между важнейшими статьями расходов (инициативные проекты, материально-техническая база, научные мероприятия и т. п.) и между научными дисциплинами. Совет Фонда определяет предельную величину гранта и утверждает решение о финансировании по всем заявкам. Совет Фонда формирует состав Экспертных советов по отраслям науки — их шесть: математика, механика и информатика; физика и астрономия; химия; биология и медицина; науки о Земле; гуманитарные и общественные науки. Совет Фонда утверждает предлагаемый экспертными советами состав экспертов по узким отраслям знания. Совет Фонда утверждает также нормативные документы Фонда, включая положение о порядке проведения экспертизы. Все это — исключительные права Совета Фонда. Совет Фонда определяет структуру аппарата Фонда, утверждает в должности начальников научных отделов и состав исполнительного комитета Фонда.

Совет Фонда собирается два раза в год (при необходимости чаще) для решения всех этих вопросов. Оперативное управление работой Фонда осуществляют администрация (председатель, его заместители, секретарь) и исполнительный комитет Фонда. Председатель Фонда обладает по Уставу значительными полномочиями, фактически соединяя в своем лице функции председателя Совета Фонда и генерального или исполнительного директора Фонда. Председатель Фонда назначается Президентом Российской Федерации. Заместители Председателя Фонда и ответственный секретарь утверждаются Правительством Российской Федерации по представлению Председателя Фонда. Правительством же утверждается весь состав Совета Фонда и Устав Фонда, а также изменения в Уставе Фонда и в составе Совета Фонда.

Из сказанного достаточно ясно видно, что Фонд как государственная самоуправляемая организация находится под общим контролем Правительства, но в решении конкретных вопросов обладает большой свободой действия. Навязчивой и мелочной административной опеки, чего обычно опасается научное сообщество, не ощущается. По мировым стандартам в этом нет ничего особенного, но для России такое положение достаточно ново. Можно говорить о начале формирования новой культуры государственного управления отечественной наукой.

Несомненным благом для Фонда является жесткое ограничение времени пребывания конкретных лиц в должности Председателя, его заместителя и секретаря Фонда. Срок замещения этих должностей три года. Допускается максимум два срока. Одновременно с этим Фонду запрещено иметь собственные исследовательские подразделения, а значит, исключается возможность подготовки «запасных аэродромов» дальновидными администраторами. Эти ограничения живительно действуют и на психологию работающих в Фонде людей, и на технологию работы Фонда.

Аппарат Фонда — это администрация и тринадцать отделов. Шесть научных отделов (аналогичных перечисленным экспертным советам) и семь вспомогательных, включая информационный, издательский, научно-методический, организационный, планово-финансовый, учетно-кредитный и международный отделы. Всего в аппарате Фонда работает в настоящий момент 52 человека (вместо положенных по штату 120). Аппарат очень компактный, высокопрофессиональный, способный к интенсивной и эффективной работе. Об этом говорит хотя бы тот факт, что за два конкурса Фонд принял, зарегистрировал, обработал, провел экспертизу 36 тысяч заявок и трех тысяч отчетов по итогам первого года работы, обеспечивая финансирование почти шести тысяч проектов.

Но аппарат, включая администрацию и научные отделы, лишь обеспечивает организацию и проведение конкурсов, не определяя их результатов. Это принципиально важно. Главная тяжесть принятия решений лежит на экспертной системе Фонда. Если Фонду и впредь удастся сохранить такое разделение функций и полномочий между аппаратом и экспертами, то институт независимой экспертизы можно считать состоявшимся. Пока Фонд развивается в этом, как говаривали в прежние годы, «правильном» направлении.

3. Экспертиза

Самая важная и сокровенная часть структуры Фонда — это его экспертная система. В принципе организация экспертизы в Фонде подобна ее организации в аналогичных западных фондах. Хотя, как и во всех фондах мира, в РФФИ есть своя специфика. В Фонде принята трехуровневая экспертиза с контролем каждого последующего уровня за предыдущим, введено сочетание конфиденциальности с коллегиальностью. Процедуры экспертизы продуманы так, чтобы они защищали экспертов от возможного давления аппарата, подателей заявок и какой-либо администрации. В конечном счете эта система защищает конкур-

сантов, так как устраняет возможность произвола, хотя, конечно, не устраняет возможности ошибок.

Каждая поступившая в Фонд заявка проходит все три уровня экспертизы. Сначала она попадает двум экспертам из числа утвержденных Советом Фонда экспертов по узким отраслям знания. Выбор экспертов, которым будет направлена каждая заявка, осуществляет соответствующий Экспертный совет (члены Экспертного совета и корпус экспертов Фонда — физически разные люди). Выбор экспертов осуществляется при этом с учетом возможного конфликта интересов. Эксперт, получающий проект, обязан заявить о конфликте интересов (общее место работы, наличие совместных публикаций с соискателем, одна научная школа и т. д.), если он имеет место. И при конфликте интересов проект может остаться у эксперта, если нет другого равноценного специалиста. Но за утаивание конфликта интересов или за необъективную экспертизу эксперт решением Совета Фонда исключается из числа экспертов Фонда.

Информация о том, у кого на экспертизе находится заявка, считается строго конфиденциальной. За нарушение этого правила работник Фонда, эксперт, член экспертного совета несут ответственность. Подобные строгости при патриархальной простоте российских нравов абсолютно необходимы. В этом убедил опыт уже первого конкурса, показавшего готовность части экспертов услужливо сообщать соискателям, особенно влиятельным, о том, что заявка у них и с ней все будет нормально. Да и среди соискателей немало таких, кто беззастенчиво пытается «вычислить» своих рецензентов и «поработать» с ними. Конфиденциальность защищает экспертов от давления, а следовательно, помогает им быть более объективными. И это, разумеется, в интересах ученых, подающих проекты на конкурс.

Затем заявка с отзывами двух экспертов поступает на рассмотрение Экспертного совета. Экспертный совет, сначала на заседании соответствующей секции, а затем и на пленарном заседании, последовательно рассматривает все заявки. Экспертный совет может направить проект на дополнительную экспертизу, если усомнится в добросовестности или компетентности первоначальной экспертизы. Он может также и самостоятельно пересмотреть результаты первоначальной экспертизы, если отзывы экспертов противоречивы, а в составе Экспертного совета есть достаточно специалистов по проблеме, заявленной в проекте.

По практике можно сказать, что, несмотря на независимую друг от друга подготовку рецензий, уже на первом этапе экспертизы оба эксперта, как правило, дают достаточно близкие оценки. Они оценивают проект по шкале «безусловно предоставить грант» — «предоставить грант» — «не предоставлять грант». Наиболее частыми сочетаниями, кроме прямых совпадений (а их огромное большинство), являются поддержки в категоричной и некатегоричной форме. Встречаются и «соседние» по шкале, но разные по существу оценки «поддерживаю» и «не поддерживаю». Они-то и составляют наиболее сложные спорные случаи. Больший разброс в оценках экспертов — от категоричной поддержки до неподдержки — встречается исключительно редко. Вообще

нужно заметить, что эксперты довольно осторожны в оценках и поэтому больше работает средняя часть шкалы.

Как правило, небольшой процент работ, набравших максимально высокие оценки, легко и быстро проходит через Экспертный совет. Достаточно быстро принимается решение и по противоположной группе проектов, оцененных крайне низко на первом этапе экспертизы, хотя и они обязательно рассматриваются во избежание ошибок. Сложнее со спорными оценками. Здесь бывает и дополнительная экспертиза, и обязательно открытое обсуждение как существа проекта, так и данных ему экспертами оценок. Опять же по опыту можно сказать, что решение принимается Экспертными советами абсолютно дружно. По нормативным документам положено голосование, и оно на практике бывает единогласным, поэтому можно утверждать, что Экспертные советы обсуждают каждый спорный проект до тех пор, пока все члены совета не придут к общему знаменателю.

Наиболее сложный момент в работе Экспертных советов — это выбор из хороших проектов наилучших, так как финансовые возможности Фонда значительно ниже того, что необходимо для финансирования всех хороших проектов. К сожалению, каждому Экспертному совету приходится укладываться в квоту и работать в режиме отборочного совета. Но опять же по практике видно, что, несмотря на сложность выработки таких решений, все они принимаются даже не большинством, а при консенсусе.

Третий этап экспертизы — обсуждение проектов (с рекомендациями экспертных советов) на заседании Совета Фонда. Именно Совет Фонда принимает окончательное решение по всем проектам. Члены Совета Фонда заранее (за две недели до заседания) получают всю информацию и могут потребовать еще до заседания проведения дополнительной экспертизы по любым проектам, включая отклоненные Экспертными советами. Практически решения Экспертных советов крайне редко пересматриваются Советом Фонда. Отчасти это объясняется, вероятно, тем, что члены Совета Фонда имеют право участвовать в заседаниях экспертных советов (разумеется, только с совещательным голосом) и снимают спорные вопросы заранее. Тем не менее, Совет Фонда обстоятельно рассматривает все заявки. К слову сказать, гуманитарные проекты рассматриваются даже с большим вниманием и интересом, чем заявки по другим наукам. Сам по себе это очень любопытный факт. На них тратится очень много времени, по ним бывает наибольшее число замечаний и ведется наиболее острая и заинтересованная дискуссия.

4. Проблемы

Помимо неинтересных читателю проблем (= тягот), совершенно классических и известных всем и везде, существуют и достаточно специфические проблемы Фонда. Первая из них — отторжение Фонда обществом, и в частности научным сообществом. Это звучит парадоксально, поскольку широко известно, что ученые прекрасно относятся к Фонду. Журналисты пишут о нем с симпатией. Правительство повы-

шает процент отчисления средств из федерального бюджета в Фонд, то и дело появляются чьи-либо государственные прожекты подчинения Фонду всей фундаментальной науки и т. п. И действительно, если говорить о субъективном отношении к Фонду, то в нем несомненно преобладают положительные мотивы. Но тем не менее, и даже именно из-за этих идиллических настроений, необходимо говорить о существовании проблемы отторжения Фонда, хотя слово «отторжение» в данном случае, возможно, слишком сильное.

Организация может нравиться кому-то уже только потому, что дает деньги. Но это — очень зыбкое основание для осмысленной симпатии. Нужно еще быть согласным с теми условиями, на которых выделяются средства. Вот здесь-то и обнаруживаются изъяны в якобы существующей гармонии. Огромное множество людей, в том числе и получающих из Фонда финансирование, совершенно не склонно уважать экспертизу, если ее результаты обманули ожидания. Между тем объективная экспертиза — основа основ всей деятельности Фонда. Двести тысяч научных работников, рассчитывавших получить финансовую поддержку Фонда и не получивших ее, конечно, не могут быть довольны таким исходом конкурса. Это — нормально. Но если большая их часть заранее согласна с результатами конкурса (когда они положительные) и априорно не доверяет им в противоположном случае, то это уже беда. Как раз такую ситуацию мы и имеем сплошь и рядом.

Типичный пример. Эксперт Фонда, активно участвующий в экспертизе проектов и хорошо работающий, сам подал на конкурс заявку. Такое не возбраняется, хотя и весьма спорно. Собственная заявка эксперта, разумеется, попала к другим экспертам. Узнать, кому именно она попала, автор заявки, конечно, не может. Результаты экспертизы отрицательные. «Пострадавший» автор проекта в страшном возмущении. Во-первых, он «не с улицы, а свой». Во-вторых, он «точно знает», что его работа лучше других (и, видимо, в самом деле уверен в этом). В-третьих... и т. д. Выясняется, что никакие ссылки на то, что он сам знает правила Фонда, запрещающие делать исключения в чью-либо пользу, оказывать давление на экспертов и т. п., его не убеждают и даже не успокаивают. Дайте мне деньги! — единственная мысль, читаемая в его непреклонном взоре. До этого пространно хваливший объективность экспертизы человек вдруг превращается в полного хулителя. Эта метаморфоза, когда ее видишь собственными глазами, просто потрясает. Тем более что человек действительно знает работу Фонда изнутри. Объяснить же человеку, менее знакомому с Фондом, но также получившему отрицательный ответ на свою заявку, еще сложнее. И дело здесь не просто в недоверии к конкретной экспертизе конкретного проекта, а в готовности к такому недоверию, в неуважении экспертизы. Имеет место ярко выраженный менталитет неправового общества. Это — проблема.

Ее существование убеждает в том, что симпатии к Фонду в массе своей сугубо поверхностны и легко могут превратиться в антипатии. К сожалению, проблема не сводится к возрасту или высокому социальному статусу проигравших конкурс. Даже совсем молодые и не избалованные привилегиями люди мыслят точно так же, как и начальники

пожилого возраста. Менталитет воспроизвелся. И впишется ли Фонд в научное сообщество, слабо готовое к принятию института независимой экспертизы, привычно ругающее административный произвол, но свыкшееся с ним, — большая проблема. Видимо, как-то впишется, раз уж он возник. Но существенно то, произойдет ли это за счет деградации самого Фонда и превращения его в обычную административную организацию или за счет облагораживания научного сообщества.

Серьезные проблемы возникают и с объективностью экспертизы. В условиях распада науки, в том числе и научной этики, в условиях живучести традиции администрирования, к тому же отягощенной таким новшеством, как коррупция, формирование института независимой экспертизы крайне затруднено. Этот институт может состояться только там и только тогда, где и когда есть вкус к нему. Эксперт должен находить больший смысл в объективности, а не в лоббировании. Научное сообщество должно уважать первое больше, чем второе. Иначе сформируется культура имитации объективности, а не культура объективности. Опасения на этот счет, хотя и не такие, как в приведенном примере, существуют, и для них есть основания.

Заслуживает внимания факт получения большого числа грантов теми организациями, представители которых в том или ином качестве работают в Фонде. Самое плоское объяснение этого факта как следствия лоббирования, наверное, было бы ошибочным. Ясно, что члены совета Фонда, члены экспертных советов, корпус экспертов Фонда, как правило, представляют сильные научные коллективы. Поэтому корреляция здесь естественна. Немаловажно и то, что активнее в конкурсе участвуют и лучше к нему готовы те организации, которые располагают более полной информацией о Фонде, условиях конкурса и т. д. Но, тем не менее, остается и вопрос о лоббировании. Хотелось бы уверенно отрицать саму возможность этого явления, но это было бы или наивно, или неискренне.

В Фонде всерьез обсуждаются способы исключения лоббирования. Но простых решений нет. Часто предлагается, например, делать конкурс анонимным. Считается, что, рецензируя анонимную заявку, эксперт будет более беспристрастным. Предложение заманчивое. Но издержки в случае его принятия, вероятно, значительно перевесят полезный эффект от него. Дело в том, что на экспертизу поступает замысел, а не готовый продукт. Будь это экспертиза готовых статей для философской энциклопедии, конкурс должен бы быть непременно анонимным. Готовый продукт может быть оценен всесторонне и без упоминания его изготовителя. С конкурсом проектов сложнее. Фонд, выделяя средства на реализацию проекта, должен быть уверен, что проект, помимо всего прочего, еще и выполним (не в принципе, а в данном конкретном случае). И фамилия руководителя проекта, список его научных трудов по соответствующей проблематике являются совсем не лишней информацией. И с указанными фамилиями риск ошибиться остается большим, не случайно же то, что более 10 % отчетов по результатам первого конкурса забракованы экспертами. В ряде случаев отчеты вообще не поступили (кстати, руководители проектов, столь грубо нарушившие условия работы Фонда, заносятся в банк данных и

лишаются права участия в конкурсах Фонда). В этих случаях столь нужные науке деньги оказались потраченными зря. Рисковать в еще большей степени в теперешних-то финансовых условиях было бы неправильно.

Предлагается лишить экспертов на время их работы в Фонде права участия в конкурсах. И опять же предложение привлекательное, но с изъянами. Две тысячи высококлассных специалистов, не занимающих к тому же административных постов, исключаются из конкурса. Каким будет наиболее вероятное их поведение? Часть откажется работать экспертами, предпочтя иметь шанс получить грант на собственную научную работу. Часть, и по результатам обсуждений — немалая, легко сможет обойти поставленную преграду, ведь можно и не записываться руководителем проекта, но иметь «свой» проект. Лоббирования от этого меньше не станет. Нужны какие-то более тонкие и эффективные решения. Нужны исследования. Создание такой структуры, как РФФИ, оказалось, действительно, крайне сложным делом.

Но, говоря об этих проблемах слишком подробно, я, возможно, непроизвольно преувеличиваю их масштаб. В действительности Фонд и сейчас, с учетом реальных обстоятельств его работы и в сравнении с другими структурами, является чуть ли не «образцово показательным». Именно поэтому Фонд, фактически являющийся формой самоорганизации научного сообщества, и может позволить себе совершенно открытое обсуждение более сложных и щекотливых проблем, чем только проблемы нехватки финансирования или плохой собственной материально-технической обеспеченности. В интересах Фонда мобилизовать творческую часть научного сообщества на сотрудничество с собой, в интересах научного сообщества — создать работающий на него Фонд. И это задача на годы.